СПЕРАНСКІЙ И БАЛУГЬЯНСКІЙ

УЧАСТІЕ ИХЪ ВЪ СОСТАВЛЕНІИ СВОДА УЗАКОНЕНІЙ ДЛЯ ПРИБАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЙ.

(Изъ записокъ „Очевидца“ [1]).

Полагаемъ, что не совершимъ нескромности, обнаруживъ анонимъ автора предлагаемыхъ интересныхъ записокъ. „Очевидецъ“ разсказываетъ о себѣ; это онъ былъ предводителемъ эстляндскаго дворянства съ 1830 по 1836 г., а такъ какъ, въ теченіи этого времени эту должность занималъ г ландратъ Гринвальдъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что только онъ, а не кто иной, могъ быть авторомъ этихъ записокъ. Разсказъ „Очевидца“, не смотря на нѣкоторую тенденціозность и желаніе возвеличить себя и своихъ товарищей-дворянъ насчетъ другихъ членовъ коммисіи, между прочимъ, передаетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ жизни замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей Сперанскаго и Балугьянскаго; вотъ главная причина, побудившая насъ извлечь его изъ малораспространеннаго нѣмецкаго изданія. Но внимательнаго читателя, помимо біографическихъ, могутъ заинтересовать также другія стороны откровенной исповѣди г. Гринвальда. Въ ней, можетъ быть, независимо отъ желанія автора, наглядно обнаруживается и тактика остзейскихъ патріотовъ въ вѣковой борьбѣ за свою самобытность и автономію и тѣ причины, почему остзейцы почти всегда выходили побѣдителями изъ неравной борьбы. Рѣшался, какъ мы видимъ изъ разсказа, государственный вопросъ первостепенной важности - распространять ли русскій сводъ законовъ на Прибалтійскія губерніи или оставляя все in statu quo, узаконить новымъ кодексомъ ихъ исключительное и привиллегированное положеніе въ государствѣ, а въ законодательную коммиссію, которая должна была рѣшить этотъ вопросъ, назначены были только трое русскихъ противъ восьми нѣмецкихъ членовъ. Съ одной стороны талантливые, связанные общими интересами юристы и люди фанатически преданные своей родинѣ, -- съ другой: три дряхлыхъ старика, воспитанные на бюрократизмѣ и при концѣ своей служебной карьеры апатично относившіеся къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Можно ли было сомнѣваться въ исходѣ борьбы идей государственнаго единенія съ горячо отстаиваемой идеей сепаратизма! Въ настоящее время мы пожинаемъ плоды дальновидной политики уступокъ, сдѣланныхъ нашими государственными людьми 1830-хъ годовъ остзейцамъ.

А. Ч.

---

[1]) Извлеченіе изъ статьи, напечатанной въ Baltische Monatsschrift 1882, B. XXIX, журналѣ, издаваемомъ въ Ревелѣ, подъ редакціей Ф. Бинемана. А. Ч.

I.

Вопросъ о составленіи особаго свода мѣстныхъ узаконеній для Прибалтійскихъ губерній находился въ началѣ царствованія императора Николая въ слѣдующемъ положеніи. Въ 1829 г. вызвалъ Сперанскій лифляндскаго ландрата Самсона фонъ Химельстіерна въ Петербургъ и поручилъ ему составить 2-ую часть свода, «законы о состояніяхъ». Если только подобный трудъ соотвѣтствовалъ силамъ одного лица, говоритъ «Очевидецъ», то конечно онъ могъ быть порученъ ни кому иному какъ г. Самсону. Ему единственно обязана наша нѣмецкая (?) страна тому, что получила отдѣльное самостоятельное законодательство. Какъ увѣряетъ г. Гринвальдъ, Сперанскій долго колебался и первоначально намѣревался распространить общій сводъ законовъ и на остзейскій край, дополнивъ его только мѣстными уклоненіями въ видѣ примѣчаній, точно такъ какъ впослѣдствіи было поступлено съ польскими законами въ западныхъ губерніяхъ.

Вторымъ важнымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ было учрежденіе губернскихъ комитетовъ. Въ каждомъ изъ нихъ предсѣдательствовалъ губернаторъ и членами комитета были представители дворянства, городовъ и нѣкоторыхъ правительствевныхъ учрежденій. Задачей этихъ комитетовъ былъ разборъ работы Самсона, ея исправленіе и дополненіе. «Очевидецъ» удивляется почему всему этому не предшествовалъ соотвѣтственный манифестъ, въ которомъ бы ясно были выражены намѣренія правительства и который, такимъ образомъ, могъ бы успокоить тѣхъ, кто страшился за неприкосновенность своихъ исконныхъ правъ; однимъ словомъ—обѣщалъ бы остзейцамъ, что все дѣло ограничится лишь сводкою ихъ разсѣянныхъ законовъ. Особенно Эстляндія сильно чувствовала потребность въ сводѣ такого рода; ея законы отличаются разнохарактерностью и примѣненіе ихъ, даже для хорошихъ юристовъ, представляетъ не мало затрудненій. Но въ теченіи всего времени пока я былъ предводителемъ дворянства (1830—1836). говоритъ г. Гринвальдъ, такого успокоительнаго манифеста не появлялось, а потому эстляндское дворянство поручило мнѣ обратиться къ государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ я упоминалъ какъ о благополучіи населенія Эстляндіи, управляемой собственными учрежденіями, такъ и объ опасеніи, съ которымъ они смотрятъ на перемѣну оныхъ. Мою петицію закончилъ я просьбою къ Е. И. В-ву—соблаговолить оставить намъ нашъ старинный кодексъ, съ нашими рыцарскими и земскими правами, что однакожъ не помѣшаетъ намъ съ благодарностью принять всякую новую книгу (Buch), если она будетъ имѣть характеръ только учебнаго руководства,—можетъ послужить средствомъ для изученія права. Копію съ прошенія представилъ я при письмѣ Сперанскому. Нѣсколько дней спустя пригласилъ

онъ меня къ себѣ и тутъ-то я впервые увидѣлъ эту замѣчательную личность, съ которой мнѣ было суждено впослѣдствіи ознакомиться ближе. Меня поразила странная форма его совершенно обнаженнаго черепа, узкіе нѣсколько криво прорѣзанные глаза, постоянно полузакрытые, выдающіяся скулы и глухой голосъ. Принялъ меня Сперанскій довольно вѣжливо, но, въ чемъ я уже предупрежденъ былъ Самсономъ, отнесся непріязненно къ моей петиціи. Должно полагать, что ему пришлось выслушать отъ государя по отношенію къ ней кое-что не совсѣмъ пріятное; было очевидно, что государь поручилъ ему успокоить меня и увѣрить, что дѣло идетъ не о какихъ либо нововведеніяхъ, а лишь о вѣрнѣйшемъ сохраненіи и укрѣпленіи стараго.

Въ февралѣ 1836 г. оставилъ я должность предводителя дворянства, а въ апрѣлѣ новому предводителю Паткулю сообщено было генералъ-губернаторомъ (трехъ Прибалтійскихъ губ.) о томъ, что въ Петербургѣ, по высочайшему повелѣнію, назначена коммисія для разбора мѣстныхъ узаконеній, и что ему, генералъ-губернатору, предписано избрать отъ четырехъ [1]) дворянскихъ корпорацій, отъ городовъ Риги и Ревеля, по одному члену изъ каждаго общества и одного члена отъ всѣхъ курляндскихъ городовъ, и что назначенныя лица должны булутъ, совмѣстно съ гг. редакторами будущаго свода, заняться разборомъ (Revision) законовъ во II отдѣленіи соб. Е. В. канцеляріи. Вслѣдствіи сего баронъ Паленъ предлагалъ дворянскому комитету назначить двухъ кандидатовъ, изъ коихъ онъ, генералъ-губернаторъ, выберетъ одного для присутствія въ ревизіонной коммисіи. Выборъ палъ на меня. Первой моей мыслію было отказаться, такъ какъ я только что освободился отъ нелегкой 6-ти лѣтней службы и составилъ было себѣ совершенно иной планъ жизни. Но главнымъ мотивомъ отказа было сознаніе своей неспособности къ предлежащему дѣлу. Правда, я слушалъ въ Дерптѣ и заграницей юридическія лекціи, былъ три года засѣдателемъ въ ландгерихтѣ, но настоящимъ юристомъ считать себя не могъ. По просьба моя объ увольненіи не была уважена. Генералъ-губернаторъ отвѣтилъ, что о моемъ назначеніи уже дано знать въ Петербургъ и измѣнить тутъ ничего нельзя. Въ утѣшеніе мнѣ прибавилъ онъ, что, можетъ быть, впослѣдствіи, и представится возможность отдѣлаться отъ порученія и онъ, съ своей стороны, поможетъ мнѣ въ этомъ... Теперь, когда я уже пережилъ это время, я долженъ сознаться, что при возложенныхъ на меня занятіяхъ я встрѣтилъ затрудненія гораздо бо́льшія и разнообразнѣйшія, чѣмъ могъ предполагать...

Мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ пріискать себѣ въ помощники дѣльнаго юриста; вскорѣ нашелъ я такого въ лицѣ секретаря оберландге-

---

[1]) Дворянства: Лифляндскаго, Эстляндскаго, Курляндскаго и Эзельскаго.
А. Ч.

рихта Паукерѣ, который послѣ нѣкотораго колебанія и согласился сопровождать меня въ Петербургъ.

Открытіе засѣданій было, послѣ нѣсколькихъ отсточекъ, назначено въ іюлѣ 1836 г. и я прибылъ въ Петербургъ 12-го числа. На другой же день поспѣшилъ я представиться моему начальству. Сперанскій жилъ на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, но тайнаго совѣтника Балугьянскаго я засталъ дома, такъ какъ онъ его почти никогда не оставлялъ и даже рѣдко выходилъ изъ своей комнаты. Это былъ дородный старикъ лѣтъ 70, съ выразительной головой, густо покрытой сѣдыми волосами. Онъ былъ очень крѣпокъ на ухо и бо̀льшую часть дня проводилъ въ халатѣ, не совершенно прикрывавшемъ его, сидя въ креслѣ у стола, на которомъ валялись въ крайнемъ безпорядкѣ книги, газеты и бумаги; въ этомъ креслѣ онъ читалъ, разговаривалъ съ своими чиновниками или спалъ. Вставалъ онъ въ 5 часовъ; отъ 11 до 3, а послѣ обѣда отъ 6 до 9 часовъ отдыхалъ онъ на этомъ самомъ креслѣ и затѣмъ уже бодро работалъ долго за полночь, такъ что для ночнаго сна оставалось у него очень не много времени. Балугьянскій былъ родомъ венгерецъ [1]), прибылъ въ Россію очень молодымъ и состоялъ преподавателемъ императора Николая. Послѣ того былъ онъ профессоромъ въ петербургскомъ университетѣ, служилъ также въ министерствѣ финансовъ и наконецъ назначенъ директоромъ (?) II отдѣленія. Онъ обладалъ массой разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, зналъ почти всѣ европейскіе языки, но хорошо не говорилъ ни на одномъ на нихъ, за исключеніемъ, можетъ быть, венгерскаго (?). Латинскій языкъ пользовался его особой любовью и всѣ его замѣтки, все что онъ записывалъ для себя, было на латинскомъ. Ученость его нерѣдко приводила насъ въ изумленіе. Какой нибудь неважный поводъ, какой-либо мимолетный вопросъ для него, вообще любившаго поучать (dociren), были достаточны, чтобы прочитать намъ экспромтомъ полную лекцію, которая поражала насъ своей ученостью. Бесѣда съ нимъ была поучительна и интересна. Помню я, наприм., его ученую диссертацію о томъ, что должно понимать подъ выраженіемъ status, когда въ одномъ изъ нашихъ засѣданій намъ пришлось опредѣлять понятіе о сословіи. Балугьянскій былъ человѣкъ вполнѣ честный и достойный уваженія; образъ мыслей его былъ консервативный; горячій почитатель императора, онъ ненавидѣлъ французовъ даже до смѣшнаго. Въ его консерватизмѣ ви-

---

[1]) Авторъ ошибается: М. А. Балугьянскій былъ славянскаго происхожденія, карпато-россъ, и былъ вызванъ въ Россію вмѣстѣ съ В. Г. Кукольникомъ, П. Д. Лоди и А. П. Стайковичемъ. Онъ былъ профессоромъ политическихъ наукъ въ Велико-Варадской академіи, въ Венгріи. (См. Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко, изд. Н. Гербеля).

А. Ч.

дѣли мы вѣрное ручательство въ сохраненіи нашихъ правъ, тѣмъ болѣе, что онъ вообще сочувствовалъ германскому праву и строю. Въ его внѣшности встрѣчалась какая-то неуклюжесть и грубоватость, а страстная его натура увлекала его неоднократно къ непослѣдовательности. Его жена и восьмеро [1]) дочерей, которыя натурально не всѣ были безупречны, вредно вліяли на него, и долговременнымъ сохраненіемъ своей должности онъ обязанъ единственно положенію, которое онъ въ прежнее время занималъ при императорѣ. Въ послѣднее время онъ уже не былъ способенъ заняться серьезнымъ дѣломъ: онъ какъ будто терялся посреди массы своихъ знаній и его не безъ основанія прозвали la bibliotheque renversée (опрокинутая библіотека). Мы впослѣдствіи очень сблизились другъ съ другомъ и я никогда не забуду его дружескаго ко мнѣ расположенія. Не таково было наше первое свиданіе. Первоначально меня отталкивала отъ него его грубая неуклюжесть, затѣмъ мы поспорили объ употребленіи римскаго права, какъ вспомогательнаго средства и вообще о его достоинствѣ и, проспоривъ 3½ часа, не пришли къ какому либо удовлетворительному результату. Прежде чѣмъ я ушелъ отъ него, спросилъ онъ меня женатъ ли я, имѣю-ли дѣтей и проч. и сказалъ, чтобы я приготовился на не меньшую какъ 3 мѣсяч. разлуку съ ними. «Я приготовился на три года», былъ мой отвѣтъ. Старикъ посмотрѣлъ на меня большими и недовольными глазами. Когда я, впослѣдствіи, по окончаніи нашихъ трудовъ, напомнилъ ему объ этомъ разговорѣ, онъ, добродушно улыбаясь, извинялъ себя тѣмъ, что онъ во всю жизнь свою былъ плохимъ пророкомъ.

II.

16 іюля посчастливилось мнѣ застать дома Сперанскаго, пріѣхавшаго въ Петербургъ на нѣсколько дней. Онъ принялъ меня крайне вѣжливо, но не показалъ и виду, что мы съ нимъ уже встрѣчались и даже очень не давно. До самой его смерти, я часто бывалъ въ его домѣ, или вѣрнѣе сказать, въ домѣ его дочери. Онъ съ чрезвычайною любезностью, при первомъ же моемъ визитѣ, пригласилъ посѣщать его. У Сперанскаго была только одна нѣжнолюбимая дочь. Она въ 1811 г. послѣдовала за нимъ

---

[1]) Сколько намъ извѣстно не 8, а 7 дочерей. Одна изъ нихъ г-жа Д., женщина съ необыкновенными способностями, прославилась въ 50-хъ годахъ въ качествѣ начальницы института, своими эксцентрическими выходками. Бывши женою полковаго командира, г-жа Д. управляла полкомъ, а затѣмъ разъѣхавшись съ мужемъ, съ привычками и замашками полковаго командира прежнихъ временъ, принялась, съ свойственною ей ретивостью, за воспитаніе дѣвицъ.

А. Ч.

въ ссылку и никогда не разлучалась съ нимъ. Одаренная прекрасными качествами ума и сердца, она получила превосходное образованіе и была уже взрослою дѣвушкою, когда Сперанскій возвратился изъ Сибири. Онъ снова сталъ пользоваться милостью государя; его умъ, познанія и опытность нашли надлежащую оцѣнку и онъ опять занялъ подобающее ему мѣсто въ обществѣ. Недоставало ему одного: аристократической крови. Поправить этотъ недостатокъ могло лишь знатное замужество дочери. Случай къ тому скоро представился. Сперанскій былъ весьма близокъ къ князю Кочубею, впослѣдствіи предсѣдателю государственнаго совѣта, и его дочь вышла замужъ за родственника послѣдняго Фролова-Багрѣева. Это родство должно было замѣнить собою многое другое. Сперанскій занималъ квартиру, соединявшуюся съ квартирою его дочери; хозяйство у нихъ было общее, въ гостиной и за обѣденнымъ столомъ дочери присутствовалъ всегда и отецъ ея.

Изобразить характеристику этого замѣчательнаго человѣка—задача весьма нелегкая: я никогда не встрѣчалъ личности болѣе осторожной (abgemessen) и скрытной. Онъ рѣдко когда прямо и рѣшительно высказывался и избѣгалъ говорить не только о политикѣ, но и вообще о серьезныхъ вещахъ; трудно было изъ его физіономіи узнать о его искреннемъ мнѣніи. Когда случалось ему докладывать о чемъ либо и отъ него требовался отвѣтъ, то онъ обыкновенно отдѣлывался словами «fort bien». Эти слова однакожъ не означали его одобренія, но, какъ я узналъ опытомъ, служили знакомъ того, что онъ слышалъ, о чемъ была рѣчь.

Его считали противникомъ нашихъ (остзейскихъ) учрежденій и не безъ опасенія смотрѣли на то, что онѣ попали въ его руки. Я съ этимъ не могу согласиться. Онъ безстрастно разсуждалъ о сохраненіи того, что̀ собственно составляетъ наше право и никогда въ моемъ присутствіи не обнаруживалъ мнѣнія, изъ котораго бы можно было заключить о его къ намъ расположеніи или нерасположеніи. Нужно сказать и то, что при его жизни наши дѣла находились въ весьма хаотическомъ положеніи и моментъ окончательнаго рѣшенія еще не наступилъ.

III.

Представивъ характеристику Балугьянскаго и Сперанскаго, «Очевидецъ» знакомитъ насъ съ своими товарищами по занятіямъ въ коммисіи. Это были предводители дворянства лифляндскаго—Лёвисъ,—курляндскаго—Клопманъ,—эзельскаго стат. сов. фонъ Поль, начальникъ отдѣленія департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, впослѣдствіи директоръ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ; депутаты: города Риги—бургомистръ Тиммъ,—Ревеля—ратсгеръ Гонсіоръ и представитель всѣхъ курляндскихъ городовъ городской секретарь Борхерсъ. Достоинства своихъ товарищей-дворянъ г. Гринвальдъ выставляетъ въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ; не столь благосклонно относится онъ къ представителямъ городовъ. Вотъ какъ онъ отзываетея о Тиммѣ, тестѣ нашего знаменитаго К. П. Брюллова [1]). Бургомистръ Тиммъ обладалъ многостороннимъ образованіемъ, былъ знатокъ художествъ, манеры его были привлекательны и изысканны, но тенденціи его были загадочны. То онъ стоялъ за русское право и выражалъ желаніе о его полномъ примѣненіи, то отвергалъ его безусловно и отдавалъ предпочтеніе римскому праву или отстаивалъ свое рижское городское право—во всемъ этомъ незамѣтно было строгой послѣдовательности. Главнымъ же недостаткомъ Тимма въ глазахъ «Очевидца», повидимому, было его несочувствіе къ дворянскимъ интересамъ. У Тимма были знакомства и связи въ Петербургѣ и, мало принимая участіе въ частныхъ засѣданіяхъ членовъ, онъ предпочиталъ обдѣлывать свои дѣла на сторонѣ. Вотъ почему г. Гринвальдъ отзывается о немъ, какъ о мало полезномъ членѣ коммисіи.

Еще въ болѣе неприглядномъ свѣтѣ выставлена «Очевидцемъ» личность ревельскаго депутата ратсгера Гонсіора. Онъ не могъ, по словамъ г. Гринвальда, ни придти къ соглашенію съ кѣмъ либо изъ нихъ, ни ужиться. Послѣ такой характеристики не должно удивляться, что остальные члены коммисіи, правительственные чиновники, изображаются авторомъ записокъ въ какомъ-то каррикатурномъ видѣ. «Со стороны министерства юстиціи, повѣствуетъ г. Гринвальдъ, былъ назначенъ д. с. с. Владиславлевъ—какой-то отупѣвшій отъ старости оберъ-прокуроръ. Передъ тѣмъ служилъ онъ въ Ригѣ переводчикомъ въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ и приданъ къ нашей коммисіи, потому что будто бы онъ зналъ нѣмецкій языкъ. Онъ, однако же, коверкалъ на этомъ языкѣ лишь нѣсколько словъ, ни-

---

[1]) Если не ошибаюсь, издатель „Русскаго Художеств. листка“ [1851—1862 гг.] былъ сынъ этого Тимма. А. Ч.

чего не понималъ въ нашихъ разсужденіяхъ, но тѣмъ болѣе ненавидѣлъ насъ и нашъ будущій сводъ узаконеній. По его мнѣнію, этотъ сводъ былъ совершенно лишней затѣей и все, чтò уклонялось отъ русскихъ законовъ, онъ называлъ «безпорядкомъ». Это существо (Wesen) было привлечено въ коммисію по желанію Сперанскаго, въ видѣ сдѣлки съ министерствомъ юстиціи, дабы будущій сводъ можно было непосредственно представить на утвержденіе въ государственный совѣтъ».

«Членами коммисіи считались также три редактора изъ чиновниковъ. Это были петербургскіе нѣмцы, получившіе свое образованіе въ царскосельскомъ лицеѣ [1]). Всѣ трое были статскіе совѣтники и украшены многими орденами, хотя каждому изъ нихъ было не болѣе 30 л. отъ роду. Повидимому, они причислялись къ наиболѣе образованнымъ и потому, по ходатайству Сперанскаго, быстро достигли высокаго чина. О ихъ дѣятельности сообщу ниже, но удивляюсь, какъ еще, при ихъ образованіи, они что нибудь могли сдѣлать. Лучшей головой между ними обладалъ и наиболѣе податливости обнаружилъ X. Онъ съ теченіемъ времени кое-чему научился и сдѣлался пригоденъ къ дѣлу. Но онъ постоянно обижался замѣчаніями своихъ сочленовъ, спорилъ безъ основанія и въ первое время особенно настаивалъ на замѣнѣ нашего права русскимъ. Онъ не могъ переносить даже замѣчаній предсѣдателя и всегда отвѣчалъ на нихъ необычайно гнѣвнымъ выраженіемъ лица».

«Y. обладалъ безспорно бòльшими знаніями, особенно въ литературѣ, но онъ никакъ не могъ осилить своей задачи. Въ противоположность X. онъ не былъ въ состояніи защищать ни одно изъ своихъ положеній, исправлялъ въ нихъ все, что требовали, но несмотря на свои обѣщанія, нерѣдко, если его не принуждали къ тому, въ тотъ же моментъ, забывалъ дѣлать необходимыя поправки. Короче, онъ принималъ все безъ всякой критики, ревновалъ къ X., если работу его находили болѣе годною; отношенія его къ намъ принимали все болѣе и болѣе непріятный характеръ и наконецъ онъ оставилъ коммисію».

«Третій, Z., былъ красивый молодой человѣкъ съ розовыми щеками, съ бѣлокурыми волосами, которому очень шелъ его Владиміръ 3-й степени. Но болѣе о немъ сказать нечего. Это былъ человѣкъ совершенно неспособный и задача его была совершенно не по плечу ему. Вотъ каковы были люди, на которыхъ возлагали составленіе свода законовъ для остзейскихъ губерній и которымъ былъ порученъ и правовый порядокъ, и будущность нашего дорогаго отечества. Убійственно!»

---

[1]) По нашимъ свѣдѣніямъ были это чиновники II отд. собственной Е. В. канцеляріи: Капгеръ, Цеймернъ и Кёлеръ. Если не ошибаемся, Капгеръ, впослѣдствіи сенаторъ, былъ женатъ на дочери Балугьянскаго. А. Ч.